

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ РЕКОНСТРУКЦИИ НОВГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА X—XIII вв.

Изучение древнего домостроительства в качестве одного из аспектов материальной культуры прошлого играет важную роль в решении общих вопросов истории древнерусских городов. Облик жилища формируется под влиянием многих факторов и зависит от многих причин, в частности от характера естественно-географических условий, от форм хозяйственной деятельности, семейной и общественной жизни, поэтому изучение построек позволяет делать выводы, касающиеся не только технического мастерства, но дает важные материалы по вопросам развития ремесла, позволяет говорить об общем уровне хозяйства, представить структуру городских усадеб, определить их социальную принадлежность и т. д. Однако интерпретация археологически фиксируемых остатков сооружений зависит от способов реконструкции древних построек.

Следует отметить, что именно методика реконструирования лежит в основе представлений об облике построек или их частей, однако специфика археологического материала, зачастую его недостаточная сохранность, а также отсутствие массовых письменных и графических свидетельств по истории древнего домостроительства препятствуют разработанности методов научного осмысления имеющихся данных, приводят к серьезным разногласиям.

Данная работа представляет собой опыт сравнительного анализа архитектурной интерпретации древнего новгородского жилища* на основе рассмотрения дискуссии, возникшей между П. И. Засурцевым и Ю. П. Спегальским, начало которой положила книга Ю. П. Спегальского «Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв.»,¹ где была сделана попытка систематизации массового археологического материала по городской застройке и с архитектурной точки зрения рассмотрены различные детали конструкций. Книга продемонстрировала значительные расхождения упомянутых исследователей по некоторым вопросам реконструкции построек, при определении функционального назначения помещений, в понимании общей линии развития новгородских домов.

В рецензии на названную книгу П. И. Засурцев и В. Л. Янин отметили ряд конкретных неправильностей при реконструкции некоторых построек, предложенных автором: произвольное увеличение расстояния между основным срубом и обводным венцом цокольных площадок (жилище Е27Б, А25А), нарушение пропорций построек (Г26Ш—Г26Э), необоснованное дополнение недостаю-

* Выражаю искреннюю благодарность Гурию Викторовичу Борисевичу за ценные консультации.

¹ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972.

щих археологических данных (Б25Г и т. д.), что позволило Ю. П. Снегальскому создать концепцию о широком распространении галерей в древнем Новгороде.² Однако расхождения в позициях исследователей невозможно объяснить посредством выявляемых отдельных неточностей в реконструкциях. Скорее всего они объясняются разным методическим подходом при реконструировании древнего городского жилища, что и обусловило различное понимание общей линии эволюции построек или их составляющих на раннем этапе формирования городской застройки.

В процессе разбора конкретного археологического материала будут уточнены основные термины, используемые при изучении компоновки помещений и соотношении отдельных частей здания друг с другом, поскольку даже самые простейшие названия применяются авторами по отношению к самым несходным постройкам или их частям, что затрудняет изучение жилищ.

Сени. Различное понимание функционального назначения узкого отсека в двухкамерных новгородских домах обусловило совершенно различное представление не только о структуре этих домов, но и о конструкции и эволюции такой важной части жилища, как сени.

По документам XVI, XVII вв. и по этнографическим данным, сени представляют собой помещение, пристроенное к избе во всю длину ее дверной стены. Сени служат подсобным помещением, используемым для хозяйственных нужд, и играют важную роль в утеплении жилища: высокий порог двери, ведущей из сеней в избу, препятствует пропикновению в нее холодного воздуха. Обычно сени уже избы, иногда равны избе по площади. Сени большинства построек имеют срубную, реже каркасную конструкцию. Применительно к трехчастной русской избе сени являются средней частью, по сторонам которой располагались изба и клеть.

В ранних документах и летописях упоминание сеней встречается большей частью при описании княжеских хором.

Так, в Лаврентьевской летописи под 6655 г. (1147 г.) значится: «И выломиша ворота, и вшедше въ дворъ узрѣша Игоря на сѣнх, и разбиша сѣни о немъ, и сомчаша и с сени, и ту убиша и конецъ всходъ».³ Из текста видно, что сени располагались на втором ярусе и к ним вела лестница.

О расположении сеней во втором ярусе свидетельствует и рассказ Ипатьевской летописи под 6683 г. (1174 г.) («бежаша с сени», «иде подъ сѣни»⁴). Вероятно, иногда сени, располагавшиеся во втором ярусе хором и примыкавшие боковыми сторонами к смежным клетям, имели опору не в виде подсенья, а в виде столбов. Об этом мы читаем в летописном своде под 6491 г. (983 г.): «и поськоша сѣни под ними».⁵ Подобная конструкция

² Засурцев П. И., Янин В. Л. Рецензия на книгу Ю. П. Снегальского. — СА, 1975, № 3, с. 260—267.

³ ПСРЛ. М., 1962, т. I. Лаврентьевская летопись, с. 318.

⁴ ПСРЛ. М., 1962, т. II. Ипатьевская летопись, с. 586, 587.

⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. I (далее — ПВЛ), с. 58.

вполне могла иметь место, поскольку в наземном жилище сени являлись средней частью между избой и клетью, а при поднятии их на подклетные срубы сени могли опираться либо на подсепье, либо на столбы и в этом случае образовывали род всячего перехода между двумя срубами.⁶ Однако данное летописное указание допускает и иное истолкование. Если сени являлись связующим звеном между срубами, то обычно их стены крепились при помощи опорных столбов, поставленных вплотную к венцам основных построек, а дощатый настил пола сеней, приподнятый над дневной поверхностью, в этом случае являлся «помостом» на столбах, соединявшим два жилых сруба. Вероятно, подобную конструкцию описывает летописец под 6523 г. (1015 г.): «Ночью же межю двема клѣтми проимавше помость, обѣртѣше в коверь, и ужи сѣвѣсиша на землю»;⁷ и не случайно во многих северновеликорусских говорах настил пола подобных сеней называется «помост» или «мост». Но это отнюдь не значит, что можно реконструировать сени в виде отдельно стоящей постройки на столбах, как делает Ю. П. Спегальский,⁸ ссылаясь на летописное известие 6491 г. и на Устав Ярослава о мостех, где в качестве одного из ориентиров названы «Климятины сени».

Приведенные летописные упоминания сеней могут в известной мере пролить свет на особенность новгородских богатых хором, которые возводились с начала XIII в. Сложнее обстоит дело с определением сеней у жилищ более раннего времени. Ю. П. Спегальский, исходя из недостаточного аргументированной посылки об обязательном наличии галерей у жилищ IX—X вв., ведет происхождение сеней от них. По его мнению, сени, как составная часть здания, а не отдельно стоящая постройка, появляются только в конце XII—начале XIII в., во время возникновения хоромных комплексов, и представляют собой легкие по конструкции (столбовые или каркасно-стоечные) переходы, связывающие отдельные хоромы и защищающие входы в жилище. Исследователь считает, что сени такого вида продолжают существовать вплоть до конца XVII в. и только в конце XVII—начале XVIII в. появляются рубленые сени.⁹ Причем эта точка зрения обосновывается ссылками на письменные и иконографические источники, не всегда достаточно убедительно трактуемые автором. Так, например, он недооценивает многочисленные упоминания в документах рубленых сеней, а в случаях, где специально оговорено, что сени были «брусенные» или «бревенные», считает, что они были не рубленными

---

⁶ Подобные сени на столбах упомянуты в документах более позднего времени — при описании дворца Ивана Грозного (Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872, т. I, с. 304—305). Древнерусские быliny XVI—XVII вв. изображают сени боярских хором в виде переходов и именуют их «мостоами» (*Шамбинаго Е. Древнерусское жилище по былинам. М., 1900, с. 136, 137.*)

⁷ ПВЛ, с. 89.

⁸ *Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси...*, с. 89, 238—245.

⁹ Там же, с. 97.

из горизонтальных венцов, а каркасными, с каркасом из брусьев и дощатой забиркой.¹⁰ Опираясь на изображение построек на плане Тихвинского монастыря 1697 г., Ю. П. Спегальский характеризует сени одной из изб как легкое каркасное сооружение, ссылаясь на конструкцию окон. Следует отметить, что в представленной на рисунке (1) группе построек только у сеней одного из домов изображены оконные проемы, к тому же величина окон не обязательно должна зависеть от конструкции стен. Так, например, на иконе Троице-Сергиева монастыря 1643—1650 гг. изображена трехчастная постройка, в которой основные помещения срубной конструкции (их соединяли сени) имели косячатые окна с ромбовидным переплетом слюдяных окошек.¹¹ Рубленые сени, по мнению Ю. П. Спегальского, появляются только в конце XVII—начале XVIII в. Автор объясняет это переходом к новой компоновке зданий, при которой сени оказываются сжатыми с двух сторон покаями, имевшими рубленые стены, а разрывать рубку стен для возведения сеней легкой конструкции нецелесообразно.¹²

Однако хоромные комплексы с однорядной связью существовали в Новгороде с XIII в., причем отдельные звенья соединялись именно посредством сеней каркасной конструкции (новгородцы не пользовались техникой наращивания бревен, следовательно, в случае существования рубленых сеней в связях разрыв в рубке все равно имел бы место). Интересно мнение польского исследователя Мошиньского, который считает, что сени облегченной конструкции у наземных жилищ возникли позднее, чем рубленые, во время появления трехчастного жилища: когда изба и клеть располагались друг против друга на небольшом расстоянии, к ним пристраивали сени, связывая их передние и задние стены посредством врубки бревен в пазы плотно приставленных к ним столбов. Таким образом, сени в этом случае имели две самостоятельные стены и были чаще всего каркасной конструкции. И наоборот, при наличии двухкамерного жилища сени были рублеными — имели три самостоятельные стены — или рубились одновременно с жилищем.¹³ Это предположение нашло подтверждение в археологических материалах новгородской экспедиции. В наиболее ранних слоях Неревского раскопа (28—17-й ярусы, X—конец XII в.) преобладают большие двухчастные постройки с цельнорублеными сенями.

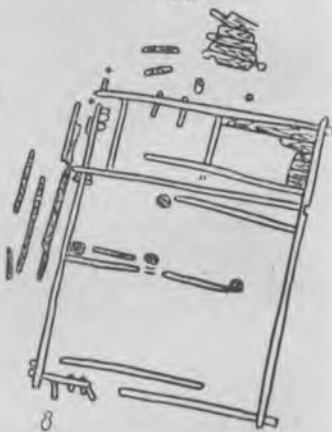
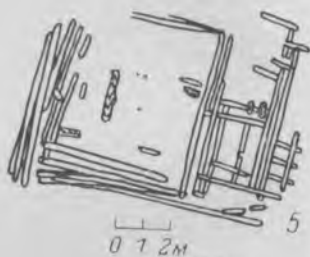
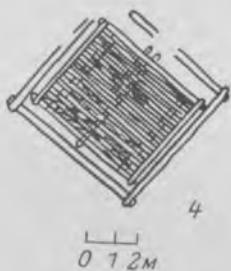
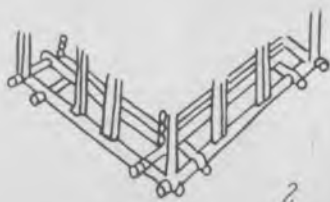
В конце XII—начале XIII в. происходит расчленение больших построек на хоромные комплексы: преобладают небольшие однокамерные жилища, почти квадратные в плане, часто образующие тройные связи — соединение избы и клетки встроенными каркас-

¹⁰ Там же, с. 104.

¹¹ По материалам И. В. Маковецкого (Архитектура русского народного жилища. М., 1962, с. 44).

¹² Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 105.

¹³ Изложено по: Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 140, 141.

Чертежи новгородских жилищ
X—XIII вв.

Объяснение см. в тексте.

ными сенями (хотя отсутствие сеней облегченных конструкций в ранних слоях может быть связано с плохой сохранностью построек).

Следовательно, в новгородских домах существовали как рубленые, так и столбовые или каркасные сени. С переходом к хоромным комплексам они становятся чрезвычайно существенным звеном между отдельными строениями. При поднятии жилища на подклет, особенно в богатых хоромах, сени могли располагаться и на уровне второго этажа. Находясь в центральной части и являясь важным связующим звеном между хороминами, сени увеличиваются в размерах и к ним переходят дополнительные функции: они становятся местом собраний, шпиров и официальных церемоний.¹⁴ Подобную функциональную нагрузку сени несли в хоромных комплексах, а в отдельно стоящих постройках сени продолжают использоваться по прямому назначению. Узкая часть двухчастных рубленых построек представляла собой не что иное, как сени (в бытовом смысле): во-первых, потому, что во всех без исключения жилищах это было проходное помещение; во-вторых, узкая часть построек никогда не отапливалась (печь находилась в основном помещении); в-третьих, основное отапливаемое помещение имеет почти квадратную форму, значительно превышая по площади вторую камеру, представлявшую собой узкий длинный отсек явно второстепенного значения.

В противовес данной точке зрения Ю. П. Спегальский выдвигает следующие аргументы: в двухчастных постройках Б22Е, Д20В, И18Б, Е17А «были обнаружены следы холодной части здания с облегченными стенами, пристроенной к узкому отсеку сруба и защищавшей вход в дом, т. е. части, которую действительно можно назвать сенями в нашем понимании... Если бы узкий отсек сруба богатого жилого дома представлял собой сени, то было бы нелепостью пристраивать к нему еще одни сени, дублирующие». ¹⁵ Причем все эти пристройки являлись проходными помещениями, судя по расположению половиц, а пол всегда настился «по ходу», чтобы нагрузка приходилась на узкий конец половицы, а не на ее середину.

Обратимся к археологическому материалу, который поможет прояснить спорные моменты данного вопроса. Перед входом в жилище Б22Е зафиксирована площадка из широких досок размерами 1.6×2.2 м, опирающаяся на подкладки из бревен (во внешнем бревне был выбран паз в одну четверть окружности, куда и были вложены концы досок). Следов стен не обнаружено.

В постройке Д20В прослежена мощная площадка из досок и горбылей, уложенных на двух лагах, шириной 3 м, примыкавшая к узкой части дома с запада. Обращает на себя внимание тот факт, что при достаточно хорошей сохранности дощатого настила не прослежено никаких следов стен.

¹⁴ ПВЛ, с. 315.

¹⁵ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 106, 192.

От пристройки к жилищу Е17А сохранились доски пола, лежащие в направлении запад—восток, и столбы, оконтуривающие помещение. Следов дощатой забирки стен не сохранилось, а продольные пазы для ее крепления в столбах не прослежены.

Конструкция площадки, имевшей размеры 5.5×2.2 м, перед входом в жилище И18Б прослежена более определенно. От нее сохранилось пять столбов, в пазы которых был вложен брус, служивший опорой четырем перекладинам, на которые настлаивал дощатый пол. Пол в данном случае — что довольно необычно — располагался не «по ходу» (это можно утверждать совершенно определенно, поскольку сохранился нижний порожек крыльца). Конструкция столбов, в пазы которых вложен брус, исключает возможность существования стен с дощатой забиркой. Очевидно, подобные площадки можно интерпретировать как остатки крыльц-навесов перед входами в жилище, и, что немаловажно, по отношению к ним не всегда применимо правило определения входа по расположению полов.

Ю. П. Спегальский, не признавая узкую камеру двухчастных построек сенями, предлагает считать второй этаж узкого отсека спальным помещением (горницей), обогреваемым рубленой стеной, смежной с отопляемым помещением, которая одновременно и защищает узкий отсек от дыма.¹⁶

Подобная точка зрения вызывает ряд возражений.

1. Как известно, дерево не теплопроводно, поэтому деревянные избы долго держат тепло, в них жарко в любой мороз. Но по этой же причине невозможно передать тепло помещению, изолированному от отопляемого бревенчатой стеной.¹⁷

2. Поскольку в нижнем этаже узкого отсека находится входная дверь, а в перекрытии второго этажа — лестничный проем, помещение быстро расхолаживалось бы.

3. Сравнительно небольшая площадь «горницы» по отношению к основному помещению. Трудно представить, что, имея огромную приемную, как Ю. П. Спегальский истолковывает основную часть дома, жители отводили такое неудобное место для

¹⁶ Там же, с. 108—112.

¹⁷ А. А. Шенников (*Шенников А. А. Рецензия на книгу Ю. П. Спегальского. — СА, 1975, № 3, с. 258*) подтверждает возможность отопления помещения посредством смежной стены, ссылаясь на аналогичные конструкции домов в альпийских районах Западной Европы. Но подобная ссылка не вполне обоснована, поскольку устройство в двухэтажных альпийских домах кухни, расположенной в центральном помещении, не разделенном на этажи, по сторонам которой на уровне второго этажа находились неотапливаемые спальни, а на уровне первого — отопляемые жилые комнаты (*Листова Н. М. Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в. — В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 200—204*) может объясняться наличием здесь печи — очага открытого типа, требующей большой высоты помещения. Спальни же и кладовые, находившиеся на втором этаже, могли быть просто холодными, неотапливаемыми комнатами. Этнографически известен обычай на Руси спать в сенях, сенниках и клетях. Молодые почевали в неотапливаемых клетях и зимой.

сна (хотя сени могли использоваться как дополнительное место для сна в летнее время).

Ошибочность подобной реконструкции двухчастных построек можно проиллюстрировать на отдельных примерах.¹⁸

Д19А. Постройка имеет размеры $8,0 \times 5,5$ м, внутренняя рубленая стена делит ее на две приблизительно равные камеры. В западной камере сохранилась лага пола, лежащая в направлении север—юг, следовательно, пол был настлан по линии запад—восток. В северо-восточном углу восточной камеры прослеживается развал печи. Ю. П. Спегальский, считая, что местом для сна может служить только узкий отсек, расположенный на втором этаже, предлагает следующую реконструкцию. Опустив в описании этой постройки упоминание печи, Ю. П. Спегальский отводит ей центральное место в помещении второго этажа. Вероятно, подобное положение печи было довольно распространенным, но Ю. П. Спегальский предпочитает не делить основное помещение на этажи, поэтому обосновывает свою реконструкцию таким образом: «Рубленую стену первого этажа подвели под печь. Переруб для поддержки печи оказался немного не на месте, поэтому он дополнен добавочной балкой, подпертой снизу двумя столбами».¹⁹

Однако трудно представить, что такие искусные плотники, какими были повгородцы, которые еще в X в. срубили деревянную Софию о тринадцати верхах, не могли рассчитать, в каком месте соорудить переруб.

К тому же при такой незначительной площади дома совсем не обязательно было подводить опорные стены под основание печи.

Таким образом, небольшой и, вероятно, одноэтажный дом с печью в одной из камер Ю. П. Спегальский реконструирует как двухэтажный с довольно неудобным помещением в нижнем этаже.

Д20В. Двухкамерная постройка размером $9,4 \times 7,5$ м. В сенях сохранились остатки столбов, служивших основой перегородок, отделявших чуланы. Здесь же была найдена тетива лестницы, ведущей на второй этаж.

Ю. П. Спегальский реконструирует это жилище как двухэтажное, причем, по его мнению, узкий отсек второго этажа делится на две камеры, к каждой из которых ведет отдельная лестница.²⁰ Подобная реконструкция маловероятна, так как получились бы очень небольшие по площади (3×3) и холодные комнаты с лестничными проемами в полу площадью около 1 м^2 .

Во многом сходная реконструкция предложена и в случае с жилищем И13А.

И13А. Трехкамерная постройка размером 8×8 м. С западной стороны рубленой стеной отгорожены сени шириной 2,5 м. Вос-

¹⁸ Засурцев П. П. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 123, с. 113.

¹⁹ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 206.

²⁰ Там же, с. 147.

точная часть дома разделена капитальной стеной на две равные камеры. Ю. П. Спегальский реконструирует этот дом как двухэтажный, с подсобным нижним помещением, внутренняя стена которого служит опорой для печи, расположенной в центре жилого помещения второго этажа. А «узкий отсек», по его мнению, разделен на две части, к каждой из которых ведет лестница.²¹ Подобная конструкция неудобна, поскольку на втором этаже образуются два небольших холодных тамбура, а дверь в основное помещение второго этажа смещается к боковой стене, что не характерно для построек с центральным положением печи. Вероятно, постройка И13А представляла собой обычную избу-пятистенку с сенями (ее планировка полностью соответствует схеме этнографически известных пятистенков).

П. П. Засурцев предлагает иную реконструкцию двухчастных построек. Исследователь, справедливо считая узкую часть домов сенями, предполагает, что обе камеры делились на этажи. По его мнению, первый этаж основного помещения представлял собой непосредственно избу, а второй этаж — горнищу, обогреваемую всей площадью пола.²² Но по той же причине, по которой нельзя отапливать помещение через смежную с теплой камерой ступу, невозможно передать тепло и через междуэтажное перекрытие.

Очевидно, горнища, расположенная на втором этаже над отапливаемой комнатой, являлась холодным помещением.

Можно предложить и другой вариант. Вероятно, на начальном этапе формирования городской застройки большие двухкамерные дома имели один этаж, в пользу чего свидетельствуют наличие печей в подобных постройках и сложные фундаментные устройства. В конце XI—начале XII в. в Новгороде наблюдается массовый переход от строительства наземных жилищ к жилищам на высоких подклетах и двухэтажным домам, что подтверждается упрощением фундаментов;²³ резким сокращением построек с завалинами, посредством которых утепляли жилое помещение; свидетельством письменных источников. Например, берестяные грамоты XIII—XIV вв. содержат упоминания о высоких подклетах, используемых в качестве подсобных помещений.²⁴

²¹ Там же, с. 210, 211.

²² Засурцев П. П., Янин В. Л. Рецензия на книгу Ю. П. Спегальского, с. 264.

²³ В слоях XI—XIII вв. подкладки прослеживаются у 50—60% построек, т. е. практически у всех жилых домов, а постройки на цокольных площадках встречаются только в конце XI—первой половине XII в. В последующее время количество построек на подкладках значительно уменьшается. В 12-м ярусе они встречаются у 40% построек, в 11-м — у 20%.

²⁴ Грамота № 411, конец XIII в.: «...прикуеть в подклѣтъ в пивномо...» (Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М., 1978, с. 16); грамота № 363, конец XIV в.: «...а солодъ ржаныи в подклѣтъ...» (Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963, с. 58); грамота № 40, XV в.: «...а стоять во потклете, кто придетъ з берестомъ» (Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М., 1954, с. 39).

На существование двухэтажных домов указывают и находки междуэтажных лестниц (в жилищах И17Е, Д20В), и наличие двух входов в жилище,²⁵ и развалы печей, упавших со второго этажа. К тому же происходит значительное сокращение числа двухчастных построек, преобладают однокамерные дома; следовательно, функции рубленых сеней должны быть переданы другим частям жилища, которыми и были подклеты, сени второго этажа (а такие сени не обязательно имели подсеня) или столбовые постройки — связующие звенья между хоромами. В двухчастных двухэтажных домах основной жилой комнатой являлось отапливаемое помещение второго этажа. Вероятно, поэтому во многих хорошо сохранившихся повгородских постройках XIII—XV вв. печь не прослежена (жилища Д20Г, Б16В, Е12В и др.), поскольку нижний этаж, развившись из подклета, был часто подсобным помещением. Но в ряде случаев можно говорить о существовании «двужирных» изб с отапливаемыми помещениями в обоих этажах.

В тех случаях, когда двухчастные постройки имели небольшую площадь и были одноэтажными, их сени, вероятно, не только не делились на этажи, но могли и не иметь потолка, будучи покрытыми общей крышей с избой. Из сеней по лестнице-стремянке поднимались сразу на чердак. Такое устройство одноэтажного жилища удобно при наличии черной печи, когда дым из избы выходит в сени, а оттуда расходится по чердаку (имеются многочисленные этнографические аналогии среди жилищ северных областей).²⁶

Таким образом, наше представление о развитии сеней от цельнорубленых (X—XII вв.) до облегченных (начиная с XIII в.) не совпадает с мнением Ю. П. Спегальского, который, отрицая наличие сеней у построек X—XII вв., рисует эволюцию сеней следующим образом: конец XII—начало XIII в. — возникновение сеней; XIII—XVII вв. — период бытования сеней облегченных конструкций; начало XVII в. — появление цельнорубленых сеней.

Придерживаясь этой точки зрения, исследователь вынужден передавать функции сеней, которых, по его мнению, не было в X—XII вв., другим частям построек, для чего он и конструирует галереи.

Галереи. Разбирая вопрос о галереях, необходимо привлечь материалы по домостроительству Старой Ладуги, поскольку подобные конструкции прослежены позднее в Новгороде и к тому же лежат в основе аргументации Ю. П. Спегальского в пользу

---

²⁵ В постройке Б16В вход на первый этаж паходился с западной стороны — к нему подходит дворовая вымостка, а у восточной стены сохранились два столба, на которых, вероятно, крепилась площадка верхнего рундука или балка наружной лестницы, ведущей на второй этаж.

²⁶ Харузин А. И. Славянское жилище в северо-западном крае. Вильна, 1907, с. 213, 214; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... с. 140.

существования галерей. Автор указывает на наличие галерей, которые условно можно разделить на четыре типа.

Тип I — галереи, основанные на дополнительном венце, независимом от основного сруба. Однако П. И. Засурцев ставит под сомнение существование подобных галерей, так как, по его мнению, дополнительный венец не выдержал бы нагрузку крыши, которая, как считает Ю. П. Спегальский, была земляной; подобные венцы имели бы пазы для дощатой заборки галереи и врубки для опорных столбов, но они не прослежены; венцы подобных «галерей» лежат на расстоянии 0,1—0,5 м от основного сруба, а это слишком небольшое пространство для того, чтобы реконструировать галерею.²⁷

Г. П. Гроздилов и В. И. Равдоникас интерпретируют подобные дополнительные бревна как основания завалинок.²⁸ Завалина, или призьба, — традиционная особенность русского жилища. Для ее сооружения вокруг избы на расстоянии 0,5 м от нее вбивают невысокие колья, закладывают за них бревна или доски и набивают промежутки землей. Завалины удерживают тепло и способствуют равномерному оседанию избы, особенно важную роль они выполняют у наземного жилища.

Можно предположить, что именно такие завалины существовали и в Новгороде, и в Старой Ладобе. В Новгороде венцы, лежащие независимо от основного сруба, встречаются довольно часто в 28—24-м ярусах (X—середина XI в.), реже в 23—20-м ярусах (середина XI—начало XII в.). Их исчезновение Ю. П. Спегальский объясняет переходом к строительству галерей, конструктивным скелетом которых являлись столбы, поддерживавшие навес. Однако такая быстрая смена традиций представляется маловероятной: менее чем за сто лет одна конструкция вряд ли может полностью вытеснить другую, так как строительные традиции и выработанная веками технология были удивительно устойчивыми.

К тому же Ю. П. Спегальский в одних случаях реконструирует подобные венцы как основание галерей, в других — соглашается с П. И. Засурцевым, который считает их обкладками цокольных площадок или завалинок. По всей видимости, дополнительные бревна действительно служили обводными венцами цокольных площадок или завалинок. В этом случае вполне понятно их преобладание на раннем этапе — X—XI вв. — и постепенное уменьшение в XII в. Очевидно, это связано с процессом появления и утверждения жилищ на подклетах, когда отпадает необходимость в утеплении нижнего этажа.

Тип II — галереи, основанные на окладных венцах внешнего сруба, углы которого крепятся рубкой «в обло» и который связан с основным внутренним срубом посредством врубки бревен

²⁷ Засурцев П. И., Янин В. Л. Рецензия на книгу Ю. П. Спегальского, с. 262.

²⁸ Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, 1949, XI, с. 16, 17.

внешних венцов в концы консолюбо выпущенных бревен внутреннего ²⁹ (см. рисунок, 2).

Подобные постройки с так называемыми «двойными стенами» составляют немногочисленную группу, по вопросы, связанные с их реконструкцией, следует разобрать особо.

Однокамерные постройки с «двойными стенами». В слоях горизонта Е Старой Ладogi была вскрыта часть большого сооружения, восточная стена которого имела длину 16,65 м. Сруб крепился посредством часеобразных врубок по углам. Внутри него на расстоянии 0,85 м от стен находился внутренний сруб общей длиной 10,5 м, стены которого состояли из отдельных звеньев, крепившихся в пазы поставленных вертикально столбов (один из них обнаружен).³⁰ В кв. P₁C₁П₀P₁C₁T₁T₀ горизонта Д Старой Ладogi выявлена постройка небольшого размера. Стены внешнего (6,24×4,65 м) и внутреннего (3,75×3,32 м) срубов скреплены рубкой «в обло», но не связаны между собой. От внутреннего сруба сохранились три стены. Расстояние между стенами внешнего и внутреннего срубов 1—2,5 м.³¹

В Новгороде также зафиксированы подобные однокамерные постройки. В большинстве случаев стены внешнего и внутреннего срубов располагаются на одинаковом и незначительном расстоянии друг от друга, что позволяет реконструировать их как ледники. Это сооружение Д9Г (размеры внутреннего сруба 4×4 м; внешнего — 5×5 м — см. рисунок, 3) и сруб № 10,³² открытый в третьем ярусе Готского раскопа (внутренний сруб 4,0×5,5 м; внешний — 6×6 м — см. рисунок, 4).

Сложнее обстоит дело с определением назначения построек с выделенными за счет увеличения одной из сторон внешнего сруба сенями. Подобный дом зафиксирован в горизонте Д Старой Ладogi (кв. С₄—Ф₂—С_{VI}—П₀). Жилая изба размерами 3,6×3,4 м была обнесена с четырех сторон бревнами, скрепленными рубкой «в обло». С восточной стороны внешний венец отстоял от стен дома на 2 м, образуя сени. Общие размеры дома 6,2×4,6 м. Г. П. Гроздилов считает внешний сруб конструктивной основой завалины,³³ чему противоречит значительное расстояние между восточными стенами внешнего и внутреннего срубов, а завалины никогда не служили основой для возведения стен дома. Ю. П. Спегальский на основе дополнительного сруба реконструирует галерею, обходящую здание с четырех сторон и связывающую жи-

²⁹ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 33, 34.

³⁰ Гроздилов Г. П. Дневник раскопок Ладogi в 1950 г. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, с. 144, 146.

³¹ Гроздилов Г. П. Дневник раскопок в Ладoge в 1948 г. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 66—68, с. 228.

³² Сруб рублен «в лапу» — конструкция, мало распространенная в Новгороде. Вероятно, это связано с тем, что он располагается на территории иноземного двора, где почти все постройки имели подобный способ рубки.

³³ Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в Старой Ладoge в 1948 г. — Архив ИА АН СССР, $\frac{P-1}{\text{№ 248}}$, с. 10.

лую постройку с хозяйственной³⁴ (хотя вряд ли можно конструировать галерею с северной стороны, поскольку здесь расстояние между венцами срубов слишком мало — 0.2 м).

Аналогичную структуру имеют постройки Б23В (см. рисунок, 5), И25Б, обнаруженные в Новгороде. Постройка И25Б (см. рисунок, 6) представляет собой сооружение общими размерами 6×8 м, внутри которого находился внутренний сруб (4×4 м). С южной стороны расстояние между срубами расширено до 3 м и застлано широкими досками, очевидно, эта часть выполила функцию сени. П. И. Засурцев относит этот сруб к постройкам невыясненного назначения. По его мнению, она ближе всего к леднику,³⁵ но тогда совершенно лишним элементом являются сени. Ю. П. Спегальский вновь реконструирует данную постройку как дом со силовой галереей, хотя подобные галереи не подходят под его определения, потому что бревна наружного сруба, хотя и скреплены врубками, но не связаны с внутренним срубом посредством консольно выпущенных концов последнего. Можно предложить еще один вариант реконструкции подобных сооружений. Постройки содержат комплексы находок, характерные для жилых домов, к тому же наличие в них сени заставляет сомневаться в их принадлежности к ледникам. Вероятно, это были дома жилого назначения, где внешний сруб являлся основным, а внутренний представлял собой основу подполья. Подполья таких конструкций хорошо известны по этнографическим данным. Для того чтобы их соорудить, в подклетном помещении на земле ставили дополнительный срубик в 3—4 веша, отступая от стен на 1 м, а промежуток между двумя срубами заполняли землей, получалась так называемая внутренняя завалина, а посередине — подполье, используемое для хранения продуктов.³⁶ Подобная конструкция вполне могла существовать в Новгороде, поскольку данное подполье не было углублено в землю, а являлось наземным сооружением. В Новгороде, несмотря на высокую влажность почвы из-за близости грунтовых вод, существовали даже углубленные в землю погреба небольших размеров (1.5×2 м в домах Б21Л, Д19У и др.) и довольно значительные (4.4×4.2 м), углубленные в землю на 1.2—1.9 м.³⁷ К тому же на поселении Перынь XII—XV вв., расположенном вблизи Новгорода, были открыты жилища с аналогичной конструкцией подполья: срубное сооружение было углублено в землю на 0.5—0.6 м, затем шел уступ шириной 0.2 м, а ниже располагалось подполье, правда, стены его срубиком не укреплялись.³⁸

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

³⁴ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 46.

³⁵ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 83.

³⁶ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 76; Костиков Л. Изба семи государей. — Матер. по этнографии России, 1914, т. 2, с. 10.

³⁷ Арциховский Л. В. Раскопки восточной части дворца в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 163—165.

³⁸ Седов В. В. Поселение XII—начала XV вв. в Перыни. — КСИА, 1956, вып. 62, с. 114.

1. Ни в Новгороде, ни в Старой Ладобе не существовало построек с «двойными стенами», в которых внешний и внутренний окладные венцы были бы связаны между собой посредством консолю выпущенных концов внутреннего сруба.

2. Постройки с «двойными стенами» вряд ли можно реконструировать как дома со сплошной галереей: ни в одном из рассмотренных случаев не было обнаружено во внешнем венце паза для крепления заборки галереи и следов опорных столбов.

3. Вероятно, иногда завалина, основу которой составляли бревна, крепилась рубкой «в обло» (жилище из слоев горизонта Е Старой Ладобы).

4. Из группы построек с «двойными стенами», которые скорее всего являлись ледниками, следует выделить жилые постройки с наземными подпольями, укрепленными внутренними срубами. Основанием для такого вывода служит комплекс находок, относящихся к жилищу, и, возможно, в некоторых случаях наличие сеней.

Тип III. По-иному обстоит дело с галереями, основой которых являлись столбы. Подобные «галереи», остатки которых хорошо прослежены, появляются во время возникновения хоромных комплексов и чаще всего выполняют функцию сеней (И12А—И12Б, Б13А—Б13Б—Б13В), реже — холодных столбовых пристроек, возможно складского назначения (Д9У—Д9Ф). Они, как правило, располагаются с одной стороны от построек, часто являются связующими звеньями и никогда не обходят здание с трех или четырех сторон.

Однако, признав существование в Новгороде галерей, следует отметить, что их было немного. Поскольку конструкции домов — довольно устойчивый элемент и строительные традиции сохраняются удивительно долго, то, несомненно, галереи дожили бы до XVI, XVII вв. Но на планах и чертежах Новгорода этого времени галерея изображена только один раз: это стрелецкая съезжая изба — здание общественного назначения. Подобные галерейки являются принадлежностью исключительно общественных построек. Так, например, они характерны для церковного деревянного зодчества (так называемый нищевик, или паперть, где прихожане могли бы укрыться от дождя и солнца), но для жилых построек они не характерны.

Тип IV — галереи, расположенные на уровне второго этажа, опирающиеся на консольно выпущенные междуэтажные бревна или на столбы.

Подобные галереи присущи богатым хоромам, где они служили важным соединительным звеном между хороминами (в данном случае совпадая с летописным определением сеней, опиравшихся на столбы) или являлись декоративным элементом и вполне могли обходить постройку с нескольких сторон. Следует отметить, что применительно к подобным галереям лучше пользоваться термином «гульбище», часто встречающимся в древнерусских источниках.

Однако археологическая фиксация подобных галерей почти невозможна, а обоснование Ю. П. Спегальским существования данных конструкций довольно часто вступает в противоречие с археологическим материалом.

Жилище А21А (см. рисунок, 9) имеет размеры 9,5×6 м, с восточной стороны рубленой перегородкой отделены сени. Пол в сенях наслан в направлении север—юг, следовательно, вход был с севера. К сеням с восточной стороны примыкает постройка (3×5 м). Судя по расположению половиц, вход в нее был из сеней. Ю. П. Спегальский при реконструкции этого жилища оставил без внимания существование данной пристройки и сконструировал двухэтажный дом с галереей консольной конструкции, выступающей с западной стороны.³⁹ В этом случае галерея оказалась бы лежащей на крыше хозяйственной пристройки.

И17Е (см. рисунок, 8) — двухкамерная постройка размерами 9,0×6,6 м, с отгороженными в западной стороне сенями шириной 2,5 м. Половицы в сенях насланы в направлении запад—восток, следовательно, вход в сени находился с западной стороны (сюда подходит дворовая вымостка). К северу от дома зафиксировано несколько опорных столбов. Очевидно, здесь на уровне второго этажа действительно существовала галерея, опиравшаяся на столбы, к которой вела лестница (лестница была найдена). О наличии лестницы, ведущей на второй этаж, говорит и то, что в дощатой вымостке, подходившей к дому с севера, имелись врубки для крепления лестничной тетивы или для кольев, поддерживающих брус, в который вставлялась эта тетива. Но данная галерея не подходит под определение Спегальского: она не обходит постройку с трех или четырех сторон, а является элементом декоративного оформления фасада здания.

Постройка Б12Д (см. рисунок, 7). П. И. Засурцев описывает ее как небольшую постройку размерами 4,5×4,5 м, с многочисленными подкладками под стены, что позволяет ему высказать предположение о ее многоэтажности.⁴⁰ Надо сказать, что подкладки располагались исключительно под южной стеной дома и скорее всего служили для пивелировки строительной площадки (в соседней постройке Б12В подкладки располагаются тоже под южной стеной), хотя вполне возможно, что Б12Д имела два этажа, в пользу чего свидетельствуют отсутствие следов печи и наличие связи с соседними, вероятно двухэтажными, постройками. С западной стороны к ней примыкает столбовая пристройка размерами 2,8×6 м, от которой сохранились бревенчатая забирка стен и дощатый настил пола, лежащий в направлении запад—восток, по которому можно определить место входа

³⁹ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Русь..., с. 195.

⁴⁰ Засурцев П. И., Чистяков Г. П., Борисевич Г. В., Тюрин В. П. Архитектурная реконструкция Новгородской усадьбы середины XIII в. — Новгород. истор. сборник. Новгород, 1961, вып. 10, с. 214.

в Б12Д — через столбовую пристройку. Ю. П. Спегальский считает столбовую пристройку остатками старого сруба большого размера, на месте которого возводят Б12Д. А подкладки под ее стенами, по его мнению, ликвидируют последствия осадки нового сруба.⁴¹ Следует отметить, что уровень залегания венцов пристройки и привелирочные отметки подкладок под стены Б12Д совпадают (195—198). По-видимому, они одновременны. К тому же отчетливо прослеживается восточная стена пристройки с креплением в пазы угловых столбов бревенчатой забирки стены, что исключает возможность расширения ее площади к востоку. Ю. П. Спегальский реконструирует галерею с северной и южной сторон от сооружения Б12Д, основанную на консолях и проходящую на уровне второго этажа. Причем, высказывая предположение о наличии галереи с юга, исследователь исключает возможность одновременного существования дома и западной пристройки, поскольку южная стена пристройки подходит почти вплотную к частоколу, разграничивающему усадьбы Б и Е, не оставляя места для галереи. Вместе с тем галерея, помимо функции переходов, а эту функцию вполне могла выполнять галерея с северной стороны построек, являлась важным декоративным элементом, в данном случае она была бы скрыта как стенами домов, так и междуусадебным частоколом.

Таким образом, рассмотрев вопрос о галереях, можно прийти к заключению.

1. В Новгороде не существовало галерей, основывавшихся на венце, независимо от основного сруба. Подобные венцы являются остатками завалинок.

2. Нельзя считать галереями столбовые постройки, служившие соединительным звеном в тройных связях. По своему назначению это — сени.

3. Галереи столбовых и консольных конструкций появляются в Новгороде в конце XII—начале XIII в. и наиболее типичны для богатых хором.

4. Для обозначения галерей, основанных на консолях и расположенных на уровне второго этажа, предпочтительно использовать термин «гульбище».

Отдельные детали интерьера. Любая реконструкция всегда является гипотезой. Но чтобы ее обосновать, необходим осторожный подбор аналогий, максимальное использование археологических данных. Ю. П. Спегальский, исходя из совершенно правильной методологической посылки (согласно которой он предполагает «избежать тисков или шор каких-либо заранее принятых теорий и концепций... , которые не подтверждаются материалом археологических остатков, а вступают с ним хотя бы в малейшее противоречие»⁴²), в действительности отрывается от археологического материала и часто довольно необоснованно использует

⁴¹ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси..., с. 225.

⁴² Там же, с. 14.

этнографические данные. Это очень ярко проявилось при реконструкции интерьера новгородского жилища. Так, исходя из этнографического материала, согласно которому присутствие в избах полавочников и полатей обязательно, он считает возможным говорить о наличии полатей и в новгородских домах, причем единственной археологической аналогией, которую находит исследователь, является изба XIV в., обнаруженная при раскопках Великих Болгар. Ю. П. Спегальский дает следующее описание этой постройки: «Было обнаружено основание русской избы XIV в., сохранившей остатки стен и печи, значительную часть пола и лежень, располагавшийся поперек избы, в середине которого находилась „врубка“». По его мнению, устройство этой врубки служило для установления на лежне столба, на который опирался брус полатей, несший их настил. При рассмотрении материалов раскопок Великих Болгар удалось выяснить, что Ю. П. Спегальский принял за лежень с врубкой бревно окладного венца стены, а за один из наружных венцов — доску наружного помоста.⁴³ К тому же русские слои в Великих Болгарах датируются XVI в., а данная постройка относится к XIV в., т. е. лежит в болгаро-татарских слоях. Следовательно, подобная археологическая параллель ничем не обоснована.

Реконструкции, выполненные Ю. П. Спегальским на новгородских материалах, также довольно произвольны. Например, исследователь реконструирует полати, располагавшиеся над входом в постройке Г22Ф (дом очень плохой сохранности, размерами 6.0×4.0 м, с печью в центре), аргументируя подобную реконструкцию тем, что расстояние между печью и передней стеной превышает расстояние между печью и торцовой стеной дома. Но это расширение невелико: расстояние между печью и передней стеной равно 2.8 м, а ширина полатей должна быть не менее 1.5—2 м, следовательно, от устья печи до полатей, если признать такую конструкцию, остается не более метра, что совершенно невозможно при наличии печи, топившейся по-черному. К тому же, основываясь на этнографических данных, можно предположить существование конструктивной связи полатей с печью, а в данном случае подобная связь отсутствует.

Реконструировать детали интерьера или конструкции, плохо прослеживаемые в археологическом материале, довольно трудно без привлечения других видов источников, в частности этнографических. Но, используя данные этнографии, полученные для XIX—XX вв., невозможно проецировать их без всякого изменения на материалы X—XIV вв.

Так, например, во всех этнографически известных русских избах XIX—XX вв. опорой полатей всегда являлся припечной столб, врубавшийся в одну из бревен нижнего венца опечья, ко-

⁴³ Ефимова А. М., Хованская Д. С., Калинин И. Ф., Смирнов А. П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. — КСИА, 1947, вып. XXI, с. 102—111.

торое делалось из горизонтальных бревен, скрепленных врубкой по углам. В новгородских жилищах большинство печей было столбовой конструкции, к тому же не отмечены случаи существования отдельного припечного столба. Такую функцию вряд ли мог выполнять и один из столбов печи, тогда он был бы мощнее остальных и больше углублен в землю, а в новгородских жилищах все стойки печей одинаковы. Удалось выявить только две постройки, в которых столб, расположенный у внешнего угла печи, значительно превышал по размерам остальные (в жилищах Б12В и Б13А), но определенно утверждать, что увеличение одного из столбов печи связано с наличием полатей, нельзя, поскольку довольно трудно установить зависимость между нагрузкой полатей и размерами опорного столба. Возможно, полати существовали в жилищах Е17Е и Е4И, поскольку в них на одной линии со столбами печей располагался дополнительный опорный столб,⁴⁴ который мог поддерживать брус полатей, несший дощатый настил. В одной из построек (Б9У) зафиксирован такой настил, представленный досками длиной 1,65 м и лежащий поверх дощатого настила пола рядом с печью.⁴⁵

Изложенный материал позволяет говорить о незначительном распространении полатей в древнем Новгороде. Возможно, они имели конструкцию, которую трудно проследить по археологическим материалам (несущая перекладина полатей могла врубаться в боковые стены дома и никак не крепиться снизу, что конструктивно вполне выполнимо). К тому же функции полатей могли быть переданы другим деталям интерьера, например пристенным лавкам, от которых во многих жилищах сохранились столбовые основания.

Рассмотрение некоторых спорных положений реконструкции жилищ древнего Новгорода позволяет сказать, что именно методика реконструирования, определяющая форму и планировку построек и отдельных помещений, лежит в основе представления о развитии жилища в целом. В рамках подобного исследования невозможно остановиться на многих других важных вопросах, в частности не были освещены моменты, связанные с определением функционального назначения различных сооружений, с социальной дифференциацией их владельцев и т. д.

Однако уточнение отдельных конструкций и выявление некоторых особенностей структуры древних жилищ на основании анализа их реконструкций позволяют лучше и полнее представить эволюцию помещений на раннем этапе формирования новгородского жилища.

---

⁴⁴ В постройке Е4И прослежено два дополнительных столба, расположенных на одной линии со столбами печки.

⁴⁵ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 272.